

ГЕРОЙ И ПРОБЛЕМА ГЕРОИЗАЦИИ В ПОНИМАНИИ М.М. БАХТИНА

Герой принадлежит эпическому миру. Мир эпопеи – место обитания героя – характеризуется М.М. Бахтиным как мир *недостигаемого героического прошлого*: «начал» и «вершин» национальной истории, отцов и родоначальников, «первых» и «лучших»¹. В этом мире все пребывает в ничем непоколебимой равной самой себе успокоенности: здесь уже все произошло, и поэтому ничего не может произойти. Такой, условно говоря, героический герой пребывает в полном соответствии со своим миром: «Он **завершен** на высоком героическом уровне, но он **завершен** и **безнадёжно готов**, он весь здесь, от начала до конца, он совпадает с самим собой, абсолютно равен себе самому». Будучи сплошь *завершённым* и *законченным*, он «весь сплошь *овнешнен*». На языке Бахтина это означает, что «между его подлинной сущностью и его внешним явлением нет ни малейшего расхождения. Все его потенции, все его возможности **до конца реализованы** во внешнем социальном положении, во всей его судьбе, даже в его наружности... Он стал всем, чем он мог быть, и он мог быть только тем, чем он стал»².

Отношение автора к *недостигаемому* для него героическому прошлому и **героическому** герою может быть только *благоговейным* отношением потомка. «И певец и слушатель, имманентные эпопее, находятся в одном времени и на одном ценностном (иерархическом) уровне, отделенном эпической дистанцией <...> Точка зрения героя на себя самого полностью совпадает с точкой зрения на него других, – общества (его коллектива), певца, слушателей»³. И это для Бахтина один из непривлекательных случаев взаимоотношений между автором и героем. Непривлекательных потому, что для Бахтина (не только историка литературы, но и философа) чрезвычайно

дорога идея авторской творческой активности. Мир же эпического героического прошлого «можно только благоговейно принимать, но к нему нельзя прикасаться, он вне района **изменяющей и переосмысливающей** человеческой активности»⁴. Автор может быть автором-творцом, иметь свою собственную ценностную позицию, прежде всего, тогда, когда он получает возможность изображать событие на одном ценностно-временном уровне с самим собою и со своими современниками, опираясь и на свой опыт, и на свой вымысел.

В истории культуры обретение автором таких прав знаменует, по Бахтину, совершение *радикального переворота*, а в мегаистории литературных жанров – «переход из эпического мира в мир романный». В романном мире герой уже не способен быть *героическим* героем⁵, а настоящее время – героическим, однако и то, и другое может подвергнуться со стороны автора *героизации*⁶.

Акт *героизации*, как его обрисовывает Бахтин, тесно сопряжен с «манипуляциями» временем и временной перспективой. У Бахтина выявляются три возможных типа героизации: **героизация прошлого, героизация героя и героизация современности.**

Потребность в героизации прошлого проникнута пафосом заботы о настоящем, которая зиждется на убеждении в необходимости **продолжения прошлого**. Яркий пример следования этому методу представляет, с точки зрения Бахтина, «История государства Российского» Н.М. Карамзина: «С точки зрения Карамзина каждое движение вперед должно оглядываться назад. При оценке события нужно учитывать, насколько новый шаг уклоняется от уже принятого направления. Новая Россия – часть единой России, и потому **должна продолжить** старую колею. Отсюда и **героизация прошлого**. Нельзя объяснить прошлое как совокупность ошибок, потому что прошлое нужно продолжить. Когда народ перестает героизовать свое прошлое, это свидетельствует об иссякании его исторических сил, о кануне его гибели. Поскольку прошлое дает толчки к созданию настоящего, его

нужно героизовать. Метод героизации стал основным художественным методом «Истории»»⁷.

С **героизацией героя** дело обстоит более проблематично. Возможность такого типа героизации предоставляет автору та разновидность биографического романа, в которой герой наделяется *авантюрно-героическим сознанием*, а сюжет «всецело опирается на социальную и характерологическую определенность, полную жизненную воплощенность героя». При этом «между характером героя и сюжетом его жизни должно быть глубокое органическое единство... Герой и окружающий его объективный мир должны быть сделаны из одного куска»⁸. Однако в отличие от «готового» эпического героя, в котором *внешнее и внутреннее полностью совпадают*, у стремящегося к героизации своей жизни героя «все внутреннее и все внешнее **стремятся совпасть** в ценностном сознании другого...»⁹.

В основе *авантюрно-героического сознания* лежит «воля быть героем, **иметь значение** в мире других, воля **быть любимым** и, наконец, воля **изживать фабулизм** жизни, многообразие внешней и внутренней жизни»¹⁰. Все эти три ценности, хотя и индивидуалистичны, но *не оторваны от мира других*. Организующее значение для личности с такой установкой имеет *будущее*. Личность «ценностно видит себя в будущем и **управляется** из этого будущего». При этом, уточняет Бахтин, «такое будущее не абсолютное, смысловое, а временное, историческое будущее (завтра), не отрицающее, но органически продолжающее настоящее <...> Вот это органическое ощущение себя в героизованном человечестве истории, своей причастности ему, своего **существенного роста** в нем, укоренение и осознание, осмысливание в нем трудов и дней – таков героический момент биографической ценности»¹¹. Поэтому тот, кто стремится к славе героя, одновременно стремится и к увековечиванию себя в памяти потомков, а значит, на языке Бахтина, – к *продолжению* своего настоящего в будущем.

Одним словом, если прошлое подвергается героизации с целью продолжения его в настоящее, то герой – с целью **продолжения настоящего в будущее**.

В толстовском блоке записей лекций, сделанных Р.М. Миркиной, приводятся высказывания Бахтина об Андрее Болконском как о герое, который на определенном этапе своего жизненного пути был наделен героическим сознанием, но, как это видно из общего контекста лекции, – сознанием «неправильным». Неправильным потому, что для него на первом плане оказываются *внешние* знаки признания, зримые **для других** свидетельства его успешности *в деле заботы* о своем будущем *памятнике*¹². «Ему нужно все: он мечтает о спасении России, о том, чтобы стать Наполеоном и т.п. Это странное честолюбие рождает в нем уверенность, что ему предстоит совершить высокий жизненный путь. На каждое дело он смотрит как на возможный пьедестал, на котором он возвысится над всеми. И с этим желанием **внешней** славы начинается его путь»¹³.

В соответствии с бахтинским словоупотреблением, князю его будущее мыслится именно *абсолютным, смысловым*, таким, которое как раз не продолжает настоящее *органически*, а напроочь отрицает его. В самом деле, жизнь в «светском» настоящем, привязанная и к салонному ритуалу, и к «ритуалу» семейной жизни, представляется Андрею Болконскому *заколдованным кругом*, из которого он не может вырваться. Поэтому свое настоящее он оценивает и осмысливает в категориях отрицающего его будущего, в которое Болконский желает проникнуть не путем *вырастания*, а путем совершения безоглядного головокружительного скачка.

В записях лекций можно найти и примеры, указывающие на те произведения и тех авторов, которые, в отличие от Л. Толстого, стремились к **действительному** осуществлению героизации своих героев. Вот, к примеру, что было сказано Бахтиным по поводу Инсарова, героя романа Тургенева «Накануне»: «Это цельный, сильный деятельный человек. Но он ограничен, и эта ограниченность художественно выдвинута на первый план... У Инсарова фантастическая преданность маленькой Болгарии и

полное равнодушие к тому, что не имеет отношения к его делу. Цельность здесь куплена ценой ограниченности, узости. Но в результате и Инсаров оказывается накануне: дела своего он не осуществляет; он умирает». Соотнося эти суждения с теми, которые были высказаны Бахтиным по поводу основной лирической темы романа, можно понять, в чем ему видится причина, обрекая на провал попытку героизации Инсарова: она – в том, что Тургенев не сумел укоренить своего героя в настоящем времени: «Вся жизнь передвинута в героическое будущее, неопределенное и туманное, а настоящее – маята»¹⁴.

Неудачной для Тургенева, с точки зрения Бахтина, была и попытка героизовать Базарова. Базаров «сильный человек, в нем русские непочатые силы. Но с героем, в котором автор увидел силу и которого хочет героизовать, он не может справиться» по двум причинам. Во-первых, Тургенев занял по отношению к своему герою двойственную позицию («Перед Базаровым все пасуют, пасует, виляет и хочет польстить сам Тургенев, но вместе с тем и ненавидит его»), а, во-вторых, не смог *овладеть* им: «...существуют произведения, в которых автор не может овладеть своим героем: герой действует сам. Это объясняется тем, что мысль, которую автор вложил в своего героя, начинает логически развиваться, и автор становится ее рабом»¹⁵. В том случае, если герой *завладевает* автором, «автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя»¹⁶.

В *зоне контакта с незавершенной действительностью* перед автором с неизбежностью встают проблема *границ человека* и непосредственно из нее вытекающая проблема *перестроения образа*. Стремление к их разрешению с необходимостью настраивает автора на то, чтобы искать «подлинного человека не в нем, а вне его: в творчестве, в делах, в том, что он видит и слышит»¹⁷. Вступление в контакт с незавершенной действительностью провоцирует автора и на то, чтобы искать и другой способ героизации. В тех же заметках по стилистике романа есть такая сжатая до конспекта запись: «Новый тип героизации: герой–святой–шут».

Что имеет в виду Бахтин, можно только предполагать. Понятно, что новый героический герой «по определению» не может быть таким, как все: он не может иметь те же размытые (или – неустойчивые) границы, которые имеет в незавершенном мире обычный человек. В то же время понятно, что он должен быть отличен и от «просто» человека, и от той «готовности», которую имел его эпический собрат. *Святой* и *шут* – два полюса, «верх» и «низ», которые, каждый по-своему, сохраняют необходимое для героического героя ценностно окрашенное единство внешнего и внутреннего в разбалансированном мире настоящего.

То, что, говоря о новом типе героизации, Бахтин делает косвенную отсылку к роману Достоевского «Идиот», представляется очевидным. В самом деле, центральный образ этого романа, парадоксально совмещая в одном лице и святость, и шутство, в полной мере вписывается в эту триадическую цепочку: «герой – святой – шут». Однако, судя по записям лекций, Бахтин и эту попытку рассматривает как неудавшуюся: «Основная тема романа – неспособность героя занять определенное место в жизни и страшная тоска по воплощению. В князе – высшая степень душевного совершенства, но он не знает возможности принять решение, сделать выбор. У него лишь острая реакция на переживания всех и вся. Пребывание в Петербурге – это как бы иллюзия воплощения. Он вошел в жизнь, но места в ней занять не мог... Это святость, не имеющая места в жизни»¹⁸. И далее: «Он святой, прекрасный дух, но это святость неудавшаяся, невоплотившаяся»¹⁹.

Разумеется, эти неудачные попытки героизации не могли связываться Бахтиным, скажем, с недостатком таланта у этих авторов. Дело в другом – в самой **проблематичности** героизации отдельно взятого героя в новых условиях. Пребывая не в эпическом, а в романном мире, герой уже не способен иметь тот «готовый» вид, который он имел тогда, когда между его внешним и внутренним не было ни малейшего зазора. Находясь в открытом, неуспокоенном мире настоящего, он не способен обладать былой

наивностью²⁰ (а если способен, то это – вариант князя Мышкина): в мире, подверженном разладу, героя печоринского типа не может не разъесть напрочь противопоставленная наивному взгляду на мир рефлексия. Кроме того, находясь в непосредственной «близости» к своему автору (эпической дистанции теперь нет), герой становится тем самым ближе и к его не «демиургическому», а к человеческому измерению. А это означает, что он, как, к примеру, тургеневский Базаров, не может не испытывать на себе сомнений, колебаний, амбивалентных эмоций, присущих автору-человеку.

Обратим внимание на то, что во всех этих примерах неудачность попыток героизации связывается Бахтиным с невозможностью для автора тем или иным образом вписать своего героического героя в современность.

И, наконец, – о третьем виде героизации, о **героизации современности**. В этом случае Бахтин высказался столь формульно, что нам лишь остается привести с небольшими сокращениями соответствующую цитату. От себя только скажем, что в отличие от пафоса заботы о настоящем, которым проникнута героизация прошлого, героизация современности проникнута пафосом заботы о будущем. И если для акта героизации прошлого важна идея его **продолжения**, то для акта героизации современности значима идея принципиально иная – абсолютного с ним (с историческим прошлым) **разрыва**. «Основная задача – **героизация современности**... В истории литературы она ставилась неоднократно, но решена она не была. С точки зрения сложившихся традиций литературы эта задача парадоксальна. Поэтому и решение ее, поскольку с этими традициями не решались порвать, было парадоксальным: приобщить прошлое настоящему, представить его в одежде героического прошлого, поднять до прошлого... до “дедовской славы”. Но такая героизация требовала абстракции от всего конкретного и специфического в современности. Но **героизовать прошлое нужно в категориях будущего**, тогда и малейшая былинка современности... могла быть героизована. Но для этого... надо было нащупать руками... **н е о б х о д и м о** грядущее будущее.

Утопическое, отвлеченное, нормативно-идеальное будущее для этого не годилось». И дальше: «Это будущее и не могло быть прямолинейным продолжением героического прошлого. Это стало возможным только у нас. Для овладения современностью в свете будущего необходима была радикальная и бесповоротная ссора с прошлым ... Надо было нащупать будущее в современности. Сначала безъязычная улица, потом – организованный класс»²¹.

К статье С.В. Савинкова

¹ Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 456.

² Там же. С. 476.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам (окажется в далеком образе), станет объектом памяти, а не объектом живого видения и контакта». Там же. С. 462.

⁶ Конечно, уточняет это положение Бахтин, «и “мое время” можно воспринимать как героическое эпическое время, с точки зрения его исторического значения (не от себя, современника, а в свете будущего), а прошлое можно воспринять фамиллярно (как мое настоящее). Но тем самым мы воспринимаем не настоящее в настоящем и не прошлое в прошлом; мы **изъемлем** себя из “моего времени”, из зоны его фамиллярного контакта со мной». См.: Там же. С. 456–457.

⁷ Бахтин М.М. Записи лекций по истории русской литературы // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 413–414.

⁸ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 72–73.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1986. С. 144.

¹¹ Там же. С. 145.

¹² «Победы, титулы, награждения, – все то, что определяло и определяет жизнь, что строит (иерархический) образ человека». См.: Бахтин М.М. Дополнения и изменения к Рабле // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 85.

¹³ Бахтин М.М. Записи лекций по истории русской литературы. С. 245.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ Там же. С. 220–221.

¹⁶ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 21.

¹⁷ Бахтин М.М. К стилистике романа // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 138.

¹⁸ Бахтин М.М. Записи лекций по истории русской литературы. С. 276.

¹⁹ Там же. С. 278.

²⁰ Одна из существеннейших черт героического сознания – это, по определению Бахтина, наивность. «Его (такого сознания. – С.С.) наивная, уплотненная до данности нравственность: добродетели преодоления нейтрального, стихийного природного бытия (биологического самосохранения и проч.) ради бытия же, но ценностно утвержденного

(бытия другости), культурного бытия, бытия истории (застывший след смысла в бытии – ценный в мире других; органический смысл роста в бытии)». Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 148.

²¹ Бахтин М.М. Теория романа. Теория смеха. О Маяковском // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 51–52.